

© 2013 г. Т.А. Полякова

УДК 101

ТЕКСТ КАК СМЫСЛОПОРОЖДАЮЩЕЕ УСТРОЙСТВО В КОНЦЕПЦИИ Ю.М. ЛОТМАНА

Особенностью культурологической концепции Ю.М. Лотмана является «ее выраженная текстоцентричность» [1] – именно текст является основой его подхода к культуре, которую он определил как «совокупность всей ненаследственной информации, способов ее организации и хранения» [2, с. 395]. Информационный подход к сущности культуры потребовал обращения к основным категориям передачи и хранения информации – к понятиям языка и текста.

Изучение культуры в контексте языка (в общесемиотическом значении этого термина) позволил Лотману, с одной стороны, зафиксировать ее знаковый характер и структурную организацию, а с другой, – выявить «вторичность» культуры как «специфически человеческой формы накопления информации» по отношению к естественному языку [2, с.396]. Помимо того, что культура надстраивается над языком данного социума, она также включает в себя «всю совокупность исторически имевших место сообщений на этих языках» [2, с. 397], а, следовательно, может быть рассмотрена как совокупность текстов, при этом одним из механизмов культурного освоения действительности является процесс перевода текстов с одних семиотических систем в другие.

Однако рассмотрение понятия культуры как текста требует дополнительных определений, т.к. речь идет о различных объектах изучения – определение культуры представляет значительные трудности, в отличие от определения понятия текст, который «вполне может быть определен если не логически, то по крайней мере операционально, с указанием на конкретный объект, имеющий собственные *внутренние* признаки, не выводимые из чего бы то ни было, кроме него самого» [2, с. 434].

В этом контексте Лотману приходится дополнительно определить понятие текста культуры, которое отличается от соответствующего лингвистического понятия тем, что «сам факт лингвистической выраженности перестает

восприниматься как достаточный для того, чтобы высказывание превратилось в текст», т.е. языковое сообщение, воспринимаемое как не-текст, должно обнаруживать некоторые признаки «дополнительной, значимой в данной системе культуры, выраженности» [2, с. 434-435]. Например, для письменной культуры устные сообщения воспринимаются как не-текст, в дописанных культурах «признаком текста становится дополнительная сверхязыковая организованность на уровне выражения» – в форме пословицы или афоризма [2, с. 435]. К текстам культуры Лотман относит сакральные, поэтические, этико-нормативные и др. подобные тексты, т.е. речь идет о некотором наборе текстов, определяющих *мировоззренческие ценности* культуры.

Таким образом, текст, чтобы распознаваться как текст культуры, должен получить дополнительное значение по сравнению с языковым сообщением, при этом «выделение среди массы общезыковых сообщений некоторого количества текстов» может служить признаком появления культуры «как особого типа самоорганизации коллектива» [2, с. 436], а возвращение текстов только к своему языковому значению соответствует разрушению культуры. Высокая степень семиотичности текста культуры, выступая в качестве гарантии его истинности, напрямую связана с «нулевой степенью» понятности общезыкового сообщения, поэтому для того, чтобы сообщение воспринималось как текст, оно должно быть непонятным или малопонятным, двусмысленным, многозначным, требующим перевода или истолкования [2, с. 238]. С этой точки зрения, искусство порождает только тексты, что и объясняет особый интерес Лотмана к изучению структуры художественного текста.

Определение культуры в контексте информационного подхода как «общей памяти человечества или каких-либо более узких коллективов» позволило Лотману рассматривать тексты культуры в двух аспектах – как сообщения и как «реализацию кодов, при помощи которых это сообщение дешифруется в тексте» [2, с. 400]. В рамках семиотики культуры было обнаружено, что данное сообщение может рассматриваться в качестве «текста» только в том случае, если оно «как минимум дважды закодировано» [3, с. 129]. Как предполагает Лотман, исторически сообщение на естественном языке было первичным, и только затем последовало его превращение в текст через «ритуализированную формулу, закодированную каким-либо вторичным языком». Затем последовал этап соединения «каких-либо формул в текст второго порядка», причем

особый «структурный смысл» получали такие тексты, в которых «соединялись тексты на принципиально различных языках», – в результате возникали такие тексты, как «ритуал», «обряд» [3, с. 130]. На следующем этапе появились художественные тексты – сообщения на языке искусства, в которых сохраняется семиотическая многоструктурность, которая «как бы упакована в моноструктурную оболочку сообщения на языке данного искусства» [3, с. 130].

Появление художественного произведения – это «новый этап в усложнении структуры текста», т.к. «многослойный и семиотически неоднородный текст, способный вступать в сложные отношения как с окружающим культурным контекстом, так и с читательской аудиторией, перестает быть элементарным сообщением, направленным от адресанта к адресату» [3, с.131]. Художественный текст получает способность конденсировать информацию, приобретая «память» и обнаруживая «самовозрастающий логос» (по Гераклиту) [3, с. 131]. Здесь, фактически, Лотман рассматривает художественный текст в качестве интеллектуального устройства, которое способно не только передавать информацию, но и создавать новые сообщения, включаясь в новые внетекстовые связи – в результате текст оказывается нетождественным самому себе, т.к. его структура постоянно усложняется, а семантика обогащается. Поэтому социально-коммуникативная функция текста (способность «обслуживать определенные потребности создающего текст коллектива» [2, с. 434]) также усложняется, т.к. он теперь выполняет не только функцию сообщения, направленного от адресанта к адресату, но и функции коллективной культурной памяти (общения между аудиторией и культурной традицией) и смыслопорождения. Кроме того, текст, актуализируя «определенные стороны личности самого адресата», выполняет функции общения читателя с самим собою, а проявляя интеллектуальные свойства, становится «равноправным собеседником», играющим активную и независимую роль в диалоге.

Следовательно, текст в коммуникативном акте выступает «в качестве его полноправного участника, субъекта – источника или получателя информации» [3, с. 132], причем особую роль играют отношения текста с культурным контекстом, который в значительной мере создается самим текстом. В связи со сложностью и гетерогенностью культурного контекста один и тот же текст (как «более стабильное и отграниченное образование») может вступать в

разные отношения с его разными уровневными структурами, а может «переходить из одного контекста в другой», актуализируя «скрытые аспекты своей кодирующей системы» [3, с. 132]. И в таком «перекодировании самого себя» в соответствии с ситуацией Лотман видит аналогию между текстом и знаковым поведением личности. Следовательно, текст, рассмотренный с позиции «культурного макрокосма», «имеет тенденцию осуществлять самостоятельное поведение, уподобляясь автономной личности» [3, с. 132]. Причем, обладая способностью «регенерировать утраченные внетекстовые связи, создавать новые взамен утраченных», текст исчезает только в том случае, когда «его полное физическое уничтожение сопровождается столь же полным уничтожением его в памяти культуры» [1].

Важнейшим свойством текста культуры является его принципиальная реализация в пространстве как минимум двух семиотических систем, т.е. «зашифрованность многими кодами есть закон для подавляющего числа текстов культуры» [3, с. 143]. «Не только элементы, принадлежащие к различным историческим и этническим культурным традициям, но и постоянные внутритекстовые диалоги между жанрами и разнонаправленными структурными упорядоченностями образуют ту внутреннюю игру семиотических средств, которая, ярче всего проявляясь в художественных текстах, оказывается, по существу, свойством любого сложного текста. Именно это свойство делает текст смысловым генератором, а не только пассивным вместилищем извне заложенных в нем смыслов» [3, с. 144].

Лотман видит в тексте «образование», которое заполняет «пустующее место между индивидуальным сознанием – смыслопорождающим семиотическим механизмом, базирующимся на функциональной асимметрии больших полушарий головного мозга, – и полиструктурным устройством культуры как коллективного интеллекта» [3, с. 143]. Это требует переосмысления традиционного подхода к тексту, когда язык, на котором написан текст, считается логически, а часто и хронологически, существующим до текста. В этом случае язык предстает замкнутой панхронной системой, способной порождать «бесконечно умножающееся открытое множество текстов», а текст – системой, «постоянно наращиваемой по временной оси» [3, с. 148]. Это представление хорошо объясняет коммуникативную функцию языка и текста, однако с точки зрения смыслообразующей функции, т.е. выполнения текстом функции генерирования смыслов, текст дол-

жен предшествовать языку, т.к. для реконструкции кода (структуры языка) необходимо обращение к тексту, который предстает «как отграниченное, замкнутое в себе конечное образование», имеющее специфическую внутреннюю структуру [3, с.149]. В этом случае «презумпция кодированности входит в понятие текста», но код неизвестен – он реконструируется из самого текста [3, с. 149]: в процессе дешифровки проявляется «лишь частичное и относительное соответствие языка тексту», и кроме того, текст в процессе передачи «вступает в игру с дешифрующими его кодами и оказывает на них деформирующее воздействие» [3, с. 145], в результате чего происходит изменение и приращение смысла. Поэтому данную функцию Лотман называет «творческой», подчеркивая, что «все случаи включения в текст «чужого слова», рассмотренные М.М. Бахтиным..., относятся к столкновению различно закодированных субтекстов и к смыслообразовательным процессам на границе смены кодов» [3, с. 145].

Таким образом, в контексте коммуникативной функции текст представляет собой реализацию одного языка, являясь гомоструктурным и гомогенным образованием, но в контексте смыслообразующей функции текст должен рассматриваться как гетерогенное и гетероструктурное образование, являющееся «манифестацией» одновременно нескольких семиотических систем. При этом в качестве механизма смыслообразования Лотман предлагает рассматривать сложные диалогические и игровые взаимодействия различных «подструктур» текста, образующих его «внутренний полиглотизм» [3, с. 145].

В структуралистской лингвистической традиции язык интерпретировался как творческое начало, как энергия деятельности, в то время как речь (текст) рассматривалась в качестве продукта деятельности. Особенность лотмановского подхода состоит в том, что творческая сила, деятельность – это «свойство, в первую очередь, текста, а не языка» [1]. Следовательно, в контексте Лотмановской культурологической концепции текст перестает быть «пассивным носителем смысла, а выступает в качестве динамического, внутренне противоречивого явления – одного из фундаментальных понятий современной семиотики» [3, с. 146].

Ю.М. Лотман выделял три класса интеллектуальных объектов («мыслящих устройств» или систем смыслообразования) – культуру, текст и сознание человека, инвариантом которых он предложил считать «биполярную структуру текстопорождающих устройств (дискретного и недискретного)» [4, с. 160]. Он

проводит аналогию между функционированием больших полушарий человеческого мозга и устройством культуры как коллективного интеллекта: в обоих случаях обнаруживается наличие двух типов генераторов текстов – «один основан на механизме дискретности», а другой – «континуален», т.е. «в рамках одного сознания наличествуют как бы два сознания» [3, с. 168]. Одно из сознаний «оперирует дискретной системой кодирования», основным носителем значения в которой является знак, а значение текста, как «линейной цепочки соединенных сегментов», производно от него, в то время как во второй системе – текст первичен и является носителем основного значения. Во втором случае природа текста – континуальна, смысл его «не организуется ни линейной, ни временной последовательностью, а «размазан» в n-мерном семантическом пространстве данного текста (полотна картины, сцены экрана, ритуального действия, общественного поведения или сна)» [3, с. 168].

Между этими механизмами, несмотря на их имманентность, существует постоянный обмен текстами и сообщениями, который «совершается в форме семантического перевода», т.к. адекватный взаимный перевод дискретных и недискретных текстов в принципе невозможен. В этом случае возникает ситуация непереводимости, когда вместо точного перевода получается «приблизительная и обусловленная определенным общим для обеих систем культурно-психологическим и семиотическим контекстом эквивалентность», которая составляет «один из существенных элементов» творческого мышления. «Именно эти «незакономерные» сближения дают толчки для возникновения новых смысловых связей и принципиально новых текстов» [3, с. 168].

Рассмотрение текста как генератора смыслов в иерархической цепочке «индивидуальное сознание – текст – культура» требует обращения к механизму генерирования смыслов, т.к. «текст сам по себе ничего генерировать не может – он должен вступить в отношения с аудиторией, для того чтобы реализовались его генеративные возможности» [3, с. 146]. Это означает, что текст должен быть погружен в семиосферу: «тексту должен предшествовать текст (культуре – культура)», т.е. генеративные процессы запускает, по сути, контакт с другой культурой (текстами). Такой подход позволяет рассматривать память человека, вступающего в контакт с текстом, как «сложный текст, контакт с которым приводит к творческим изменениям в информационной цепи» [3, с. 146]. Таким образом, «минимально работающий текстовый генератор – это не изолированный текст, а текст

в контексте, текст во взаимодействии с другими текстами и с семиотической средой» [3, с. 147]. С точки зрения смыслообразующей функции основным структурным признаком текста является его внутренняя неоднородность, которая является условием генерации новых смыслов в результате взаимодействия структур: «текст – семиотическое пространство, в котором взаимодействуют, интерферируют и иерархически самоорганизуются языки» [3, с. 152].

Таким образом, текст предстает «не как реализация сообщения на каком-либо одном языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [3, с. 132]. Все это предполагает изменение осмысления взаимодействия текста и его потребителя – «потребитель общается с текстом», вступая с ним в диалог. Следовательно, для генерирования новых смыслов текст, как «мыслящее устройство», нуждается в собеседнике – именно так Лотман определяет диалогическую природу сознания. Введение внешнего текста в имманентное структурное смысловое поле текста приводит к тому, что внешний текст трансформируется, образуя новое сообщение, кроме того, меняется вся семиотическая ситуация внутри того текстового мира, в который он вводится, причем эта трансформация непредсказуема из-за сложности участвующих в текстовом взаимодействии компонентов. Следовательно, введение «чуждого семиозиса», находящегося в состоянии непереводимости к тексту, приводит к тому, что «предмет внимания переносится с сообщения на язык как таковой и обнаруживается явная кодовая неоднородность самого «материнского» текста», которая и является основой генерирования новых сообщений, т.е. «текст, выведенный из состояния семиотического равновесия, оказывается способным к саморазвитию» [3, с. 153]. Такой же механизм работает и внутри культуры, определяемой как «большой текст», когда «внешние текстовые вторжения в культуру» приводят не только к их адаптации и введению в память культуры, но и «служат стимулами ее саморазвития, дающего непредсказуемые результаты» [3, с. 154]. При этом наиболее далекие и непереводимые с точки зрения данной системы тексты вовлекаются в культуру в моменты «культурных (и вообще семиотических) взрывов», т.е. существенным моментом для стимулирования развития оказывается «различие культурных потенциалов, трудность в дешифровке текстов средствами имеющихся языков культуры» [3, с. 154].

Таким образом, Ю.М. Лотман в контексте функционального подхода переосмыслил лингвистическое и литературоведческое понимание текста, предложив его культурологическую интерпретацию как явления культуры и рассматривая текст погруженным в семиосферу – семотическое пространство, присущее данной культуре и являющееся результатом и условием ее развития, причем в качестве текста рассматриваются явления самого различного порядка: от художественного текста до текста культуры в целом, включая человеческую личность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лотман Ю.М.* За текстом: заметки о философском фоне тартуской семиотики //Лотмановский сборник. Т. 1. М., 1995. [Режим доступа:] URL: <http://www.ruthenia.ru/lotman/txt/mlotman95.html#T14>
2. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб., 2001.
3. *Лотман Ю.М.* Статьи по семиотике и топологии культуры. Избранные статьи в трех томах. Т.1. Таллин, 1992.
4. *Коваленко Е.М.* Символизм современной европейской культуры (концептуальный анализ). Ростов-на-Дону, 2011.

REFERENCES

1. Lotman U.M. For text: Notes on the philosophical background of Tartu semiotics / / Lotman collection. T. 1. M., 1995.[Access:] URL: [http://www.ruthenia.ru/lotman/txt/mlotman95.html # T14](http://www.ruthenia.ru/lotman/txt/mlotman95.html#T14)
2. Lotman U.M. Semiosphera. St. Petersburg., 2001.
3. Lotman U.M. Articles on the semiotics of culture and topology. Selected articles in three volumes. V.1. Tallinn, 1992.
4. Kovalenko E.M. The symbolism of the modern European culture (conceptual analysis). Rostov-on-Don, 2011.

*Зимовниковский педагогический
колледж. г. Зимовники, Россия*

13 июня 2013 г.